



ISTORIYA. -2021

ISSN 2079-8784

URL - <http://arxiv.gaugn.ru>

All right reserved

Issue 9 (83) Volume 10 - External Relations of Eastern Europe in the Ancient Times and Early Middle Ages. 2019

Double-Headed Eagles of Ancient Rus' in the Context of Foreign Policy Relations

Evgeny Pchelov

*Russian State University for the Humanities
Russian Federation, Moscow*

Abstract

The article describes the images of the double-headed eagle in the culture of Ancient Rus' in the pre-Mongol time. In total, there are three cases which do not represent a single pictorial or symbolic tradition. The earliest image of a double-headed predatory bird is on a silver pendant from Gnyozdovo and dates to the last third of the 10th century. Despite the fact that such objects are found in other centers, the pendant with a double-headed bird is unique. Apparently, it belongs to the material culture of the Varangians and thus represents Scandinavian, perhaps ritual, tradition in Rus' in the Viking age. The second, more specific image is found on the southern Golden gate of the Nativity Cathedral in Suzdal'. It dates back to the turn of the 1230's — 1240's or perhaps later. Its type is close to the images of the double-headed eagle in Western European, especially German heraldry. Having thus European origin, this emblem is unlikely to be purely heraldic in the context of the monument. The third case is the mention of the construction of a pillar with a stone image of an eagle by Prince Daniel Romanovich in the town of Holm in 1259. It is demonstrated that the attribution of this eagle to the type of two-headed ones is based on a very arbitrary interpretation of the text and can't be associated with the probable Byzantine dynastic contacts of Galicia-Volyn princes.

Keywords list (en): double-headed eagle, heraldry, Ancient Rus', foreign policy

Date of publication: 15.11.2019

Acknowledgment:

Работа подготовлена в Российском государственном гуманитарном университете рамках государственного задания № 33.7198.2017/8.9 «Символика власти Московского царства и Российской империи».

Citation link:

Pchelov E. Double-Headed Eagles of Ancient Rus' in the Context of Foreign Policy Relations //

1 Двуглавый орел в качестве одной из государственных эмблем зафиксирован на Руси начиная с эпохи Ивана III. Самым первым памятником великокняжеской сфрагистики с его изображением является, как известно, красновосковая печать Ивана III, самый ранний дошедший до нас экземпляр которой датируется июлем 1497 г. Разумеется, матрица печати была сделана еще раньше, но не ранее 1490 г. К эпохе Ивана III относится еще несколько изображений двуглавых орлов, которые датируются менее надежно, но в любом случае не выходят за пределы датировок ранее 1480-х гг. (в частности, изображения орлов на костяных великокняжеских посохах, в декоре Боровицкой башни Московского кремля и другого). Известен один из типов монет последнего великого тверского князя Михаила Борисовича, также с изображением двуглавого орла — возможно, чеканившиеся в последний год княжения Михаила в Твери, то есть в 1484—1485 гг., что, впрочем, дискуссионно. Происхождение русского двуглавого орла конца XV в. связывается с иностранным влиянием — или с дипломатическими контактами Ивана III со Священной Римской империей Германской нации, или с династическим наследием Софьи Палеолог и, таким образом, влиянием византийской традиции. Однако в научной литературе, посвященной истории государственной геральдики России и, прежде всего, эмблемы двуглавого орла, нередки упоминания о различных изображениях этого символа, встречающихся на Руси еще до эпохи Ивана III¹. Как показал детальный анализ этих упоминаний, подавляющее их большинство являются сомнительными или ошибочными². Оставшиеся в весьма незначительном количестве случаи относятся к X—XIII вв., то есть преимущественно домонгольской Руси, и требуют отдельного рассмотрения. При этом принципиально важным оказывается контекст культурных связей Древней Руси с другими странами, вероятно, повлиявший на единичные появления двуглавого орла в древнерусской культуре. Все эти случаи разнохарактерны и связаны с совершенно различными по своему типу памятниками.

2 Наиболее ранний пример изображения двуглавой хищной птицы присутствует на серебряной подвеске, украшенной сканью и зернью, происходящей из Большого Гнёздовского клада, найденного в Гнёздово под Смоленском еще в мае 1867 г.³ Рисунок на подвеске «дает в схематизированном и разложенном виде фигуру геральдически распластанной птицы с двумя головами, обращенными в разные стороны. Контур рисунка выложен сканной нитью, слегка сплюсненной и припаянной на ребро, а образованные нитью части заполнены внутри зернью»⁴. В настоящее время, как и другие предметы из Большого Гнёздовского клада, эта подвеска хранится в коллекции Государственного Эрмитажа. Клад датируется «финальным периодом существования Гнёздова», последней третью X в.⁵ Подобный предмет (возможно, это элемент какого-то женского украшения) сам по себе не уникален — близкие по форме и стилю подвески найдены в том же Гнёздове, Новгороде, Старой Руссе, во Владимирских курганах, а литейная форма для подвесок такого типа — в Белоозере⁶. Находки датируются концом X — началом XI вв. Особенности техники изготовления и сама стилистика изображений на подвесках позволяют связывать их со скандинавскими художественными стилями эпохи викингов⁷. Исследователи усматривают в изображении птицы «геральдический» характер⁸, обусловленный особенностями самой композиции. Однако подвеска из Большого Гнёздовского клада существенно отличается от остальных подвесок, на которых птица представлена одноглавой, с опущенными крыльями и повернутой налево (направо от зрителя) головой. Такая вариативность не позволяет говорить о едином типе изображения, хотя по стилю декора эти предметы и близки.

3 Подвески считаются изделиями древнерусских ремесленников, но по стилистическим особенностям и технологии изготовления обнаруживают как славянские, так и очевидные скандинавские черты. Все это дает возможность говорить о более чем вероятном варяжском происхождении их эмблематики, учитывая принципиально важное значение Гнёздова на торговом Пути из варяг в греки. Интерпретация самого изображения на гнёздовской подвеске затруднена его условным, схематизированным характером. Ясно лишь,

что это двуглавая хищная птица (о чем свидетельствуют загнутые клювы), но орел ли это, сказать сложно. Высказывалось предположение о византийских истоках эмблемы «геральдической птицы», якобы, заимствованной из Византии скандинавской элитой⁹. Это, однако, никак не объясняет такой ее детали, как двуглавость на гнёздовской подвеске (изображения двуглавых птиц в Византии в ту эпоху неизвестны). По предположению В. И. Кулакова, напротив, такая особенность изображения могла быть связана с дружинной средой Скандинаво-Балтийского региона, где существовал обряд ритуального расчленения жертвенной птицы (впрочем, приведенные исследователем изобразительные аналоги весьма приблизительны)¹⁰. В. И. Кулаков усматривает в двуглавой птице гнёздовской подвески соединение двух типов изображений птиц, известных в IX—XI вв. на вещах Скандинаво-Балтийского региона и затем Восточной Европы — птицы-хищника и птицы-жертвы, причем жертвенный характер «гнёздовской» птицы подчеркивает изображение треугольника острием вверх, помещенное под головами птицы и как бы обозначающее верхнюю часть ее туловища¹¹. Треугольник — «традиционный для скандинавов-язычников символ бессмертия, характеризующий ожившую в ином мире жертву»¹². В этом случае появление двуглавой хищной птицы в орнаменте подвески следует связывать со скандинавской дружинной культурой, а само изделие считать продуктом скандинавского ремесла, локализованного на Руси. Мотив двуглавой птицы изредка встречается в декоре мелких металлических изделий более позднего времени¹³, однако, носит чисто условный, декоративный характер. Крайне сомнительна и какая бы то ни была геральдическая семантика одноглавых и двуглавой птицы на упомянутых подвесках, как, впрочем, повторю, нет и уверенности усматривать в этой птице непременно орла.

4 Более очевидное изображение двуглавого орла как такового относится к первой половине XIII в. Это двуглавый орел на умбоне левой створы южных «Златых» врат Рождественского собора в Суздале. Собор был возведен по распоряжению великого князя Юрия Всеволодовича в 1222—1225 гг., западные и южные «золотые врата» созданы в 1230-х гг., умбоны врат, по мнению исследователей, относятся к еще более позднему времени и датируются приблизительно рубежом 1230-х и 1240-х гг.¹⁴. Впрочем, столь поздняя датировка вступает в противоречие с событиями монгольского нашествия, в первые годы после которого вряд ли вообще могла продолжаться работа над вратами. На умбонах обеих врат помещены различные изображения в виде растительного орнамента, изображений животных, а на умбонах южных врат также и изображения святых. Среди животных встречаются львы, грифоны, драконы, птицы (в том числе две птицы напротив друг друга), а стилизованные львы и грифоны, сопровождаемые симургами, изображены и на нижних пластинах обеих врат. Двуглавый орел занимает левый умбон левой створы во втором ряду сверху, то есть периферийное положение в левом верхнем углу южных врат. Он изображен «с расправленными крыльями и длинным хвостом, переходящим в два пышных растительных завитка»¹⁵. Крылья орла раскрыты, но опущены вниз, а в верхней части украшены двумя утолщениями, головы подняты вверх, клювы чуть приоткрыты. По мнению Г. К. Вагнера, двуглавый орел, так же, как и некоторые другие символические изображения на умбонах, — абсолютно новый зооморфный мотив во владими́ро-суздальском искусстве¹⁶. Исследователь объяснил его присутствие в декоре врат тем, что двуглавый орел изображен, «конечно, не в геральдическом значении, а скорее всего, как символ бессмертия души»¹⁷. На чем основывается столь смелое умозаключение, неясно. Находящиеся на соседних умбонах изображения святых и других животных (в том числе птиц и крылатого дракона), равно как и библейские сцены в клеймах врат («Троица» справа сверху и «Труды Адама» справа внизу), не дают возможности прояснить семантику этого символа.

5 Внешний вид орла носит подчеркнуто геральдизированный характер, отсылающий скорее к западноевропейской (прежде всего, немецкой) традиции, о чем говорят особенности изображения крыльев и голов (подобных орлов можно увидеть в гербовниках рубежа XIII—XIV вв., например, в знаменитом Манесском кодексе¹⁸). Высказывалась мысль о связи стилистики изображений на пластинах врат с традициями византийского искусства эпохи Комнинов¹⁹. Однако для Византии двуглавый орел в этот период еще не был характерен. Возможно, единичный пример этого изображения в искусстве Владимиро-Суздальской Руси

нужно связывать не с византийским, а с западноевропейским культурным влиянием.

6 Вероятный византийский «след» в появлении на Руси еще одного двуглавого орла (в Галицко-Волынской земле) не так давно был детально обоснован А. В. Майоровым²⁰, связавшим его с более чем вероятным византийским браком (вторым) князя Романа Мстиславича и рождением в этом браке Даниила Романовича²¹. Исследователь обращается к известию Галицко-Волынской летописи (в составе Ипатьевской) об установке в 1259 г. у города Холма, где находилась резиденция князя Даниила Романовича, каменного столпа, «а на немь орель камень изваянь, высота же камени десяти лакоть, с головами же и с подножьями 12 лакоть»²², то есть 12 локтей. Расположение столпа на пути к городу, безусловно, выполняло важную функцию символической репрезентации власти Даниила²³.

7 Находя примерные византийские аналоги (упоминание одноглавого орла со змеей на столпе в «Книге о статуях города Константинополя»), А. В. Майоров полагает, что слово «изваянь» однозначно указывает на объемное скульптурное изображение орла (а не на барельеф), а слово «подножья» интерпретирует как непонятое русским книжником изображение змеи. Между тем, само описание ясно свидетельствует о высоте собственно столпа (10 локтей), его навершия (чему соответствует в тексте слово «с головами») и подножия («подножья») — по 1 локтю каждое. Соглашаясь с возможностью вышеприведенного понимания слова «изваянь», следует все же признать, что внешний вид столпа с орлом остается, исходя из летописного текста, крайне неопределенным. Единственным фактом, позволяющим считать этого каменного орла двуглавым, является множественное число слова «голова», маркирующего высшую точку всего сооружения (так, двуглавым орла признавал еще в 1930-х гг. А. В. Соловьёв, видя в нем византийское влияние, транслятором которого выступал придворный мастер Авдий²⁴). Относится ли, однако, слово «головы» к орлу, если он венчал столп, или к нескольким орлам, если они увенчивали столп (например, четырехугольный) с разных сторон, или даже вовсе не к орлу (орлам), если допустить иное толкование слова «изваянь», и в орле видеть барельефное изображение на самом столпе, сказать однозначно нельзя. Более того, слово «головы» могло означать вовсе не головы орла, а капитель самой колонны, в то время как «подножья» обозначали ее базу. Именно такое понимание логично вытекает из самого летописного описания этого сооружения. Поэтому за отсутствием более четкого и однозначного описания считать каменного орла на холмском столпе именно двуглавым не представляется возможным.

8 Тем более смелым представляется сопоставление холмского орла с позднейшей геральдической традицией Червонной Руси и Перемышльської земли, известной по источникам с начала XV в. Так, в «Хронике Констанцкого собора» Ульриха фон Рихенталя (ум. в 1437 г.), которая неоднократно издавалась в XV—XVI вв., среди гербов участников (и не только участников) собора помещено несколько с двуглавыми орлами. Это, помимо черного двуглавого орла на золотом поле Священной Римской Империи и почти такого же орла, обозначенного как герб Юлия, «первого кайзера Рима», также: золотой двуглавыи орел, держащий в каждом клюве по длинному рогу, направленному вниз, в красном поле — герб «деспота Рашки», то есть сербского деспота Стефана Лазаревича; золотые двуглавыи орлы на красном поле — гербы греческих «герцогов» Филиппа и Михаила (Палеологов?), изображенные дважды²⁵; и, наконец, интересующий нас «русский» герб. Он представляет собой пересеченный геральдический щит, в первой части которого изображены в ряд три красных креста в серебряном поле, а во второй — золотой двуглавыи орел с поднятыми крыльями без лап и хвоста в черном поле. Это герб, как значится из подписи, «герцога красной Руси»²⁶, иными словами, князя Червонной Руси, то есть Галиции. Примечательно, что верхняя часть этого герба отдаленно напоминает герб Волыни — серебряный крест в красном поле, который существовал уже в первой половине XV в.²⁷.

9 Здесь же представлено и еще несколько гербов — некоего «русского» герцога Павла, «герцога» Родура Смоленского, а далее следуют такие экзотические гербы, как гербы «короля Аравии» и тому подобные. Естественно, возникает вопрос, насколько этот герб князя Червонной Руси достоверен, учитывая и то, что в «Хронике» Рихенталя помещено множество полностью или частично вымышленных гербов, даже применительно к вполне

известным европейским странам (таковы, к примеру, гербы Великого князя Литовского). Впрочем, некоторую долю достоверности изображению Рихенталя придает тот факт, что, по крайней мере, с начала XV в. двуглавый орел считался гербом Перемышля в составе Польского королевства.

10 Уже хронист Ян Длугош в своем описании Грюнвальдской битвы, входящей в его фундаментальную «Историю Польши», созданную между 1455 г. и 1480 г., отдельную главу посвятил описанию хоругвей польского войска, принимавших участие в этом сражении. Среди прочих он описал и хоругви земель бывшей Галицко-Волынской, то есть Червонной Руси: «Четырнадцатая хоругвь, земли Пшемысльской, имела на знамени желтого орла с двумя головами, повернутыми равномерно в разные стороны, на лазурном поле. ... Шестнадцатая хоругвь, земли Холмской, имела на знамени белого медведя, стоящего между двумя зелеными деревьями, на красном поле. ... Двадцатая — земли Галицкой, имела на знамени черную галку с короной на голове на белом поле»²⁸. Итак, золотой двуглавый орел в лазоревом поле в XV в. являлся гербом Перемышльской земли в составе Польши. В то же время Галицкая и Холмская земли имели другие геральдические эмблемы, причем герб Галицкой земли был «гласным» в соответствии с наивной этимологией: галка — Галич (именно такой герб присутствует и в гербовниках Бергсхаммарском [Codex Bergshammars, ок. 1440 г.]²⁹ и Гимнихском [Armorial Gymnich (Lyncenich)], ок. 1445 г.³⁰). А. В. Соловьёв, основываясь на чисто умозрительных геральдических рассуждениях, не подкрепленных никакими источниками ранее XVI в. (при этом сочинение Я. Длугоша он не упоминает, а базируется на гербовнике Б. Папроцкого 1584 г.), с «уверенностью» утверждал, что все эти гербы относятся ко времени до завоевания Галиции поляками в 1349 г., а перемышльский двуглавый орел относится к русско-византийской традиции «XIII в. или даже XII в.»³¹. Однако никакой «до-польской», самобытной геральдики в Червонной Руси практически не прослеживается (львовский «гласный» лев появился явно под западноевропейским влиянием).

11 Изобразительно гербы Перемышльской земли и «герцога Червонной (Красной) Руси» различны, а достоверность второго сомнительна. Возведение же обоих гербов к якобы «двуглавному» орлу Даниила Романовича встречает труднопреодолимые препятствия. Во-первых, данные европейских хронистов отстоят от него более чем на 150 лет. А, во-вторых, необъяснима «локализация» орла в пределах именно Перемышльской земли, а не Галицкой, например, или Холмской. Напротив, вся система польских гербов Червонной Руси XV в. свидетельствует скорее об их «искусственном» происхождении, никак не связанным с предшествующей эмблематикой древнерусского периода. Поэтому появление этих новых гербов следует рассматривать в контексте польско-литовской геральдики всего Галицко-Волынского региона, а своим происхождением они, вероятно, обязаны западноевропейской геральдической традиции (что отнюдь не снимает вопроса о происхождении собственно перемышльского герба с двуглавым орлом).

12 Итак, единичные примеры изображений двуглавого орла на Руси X—XIII вв. не дают возможности говорить о его заметном присутствии в качестве эмблемы на протяжении всего этого периода. Каждый раз его появление носило исключительно локальный характер и было связано преимущественно с теми или иными международными контактами Руси. Наиболее ранний пример следует рассматривать в контексте скандинавского культурного влияния эпохи викингов. Двуглавый орел Владимиро-Суздальской Руси визуально соотносится скорее с западноевропейской, немецкой геральдикой, нежели византийской эмблематикой. Наконец, наличие двуглавого орла в Галицко-Волынской Руси в XIII в. выглядит чрезвычайно гипотетичным, несмотря на вероятные династические связи местных князей с византийскими императорами.

Remarks:

1. Хорошкевич А. Л. Гербы // Гербы и флаги России. X—XX вв. М., 1997. С. 101, 136; Вилинбахов Г. В. Государственный герб России: 500 лет. СПб., 1997. С. 21; Агоштон М. Великокняжеская печать 1497 г.: К истории формирования русской государственной символики. М., 2005. С. 387—388, 410—411.

2. Пчелов Е. В. Двуглавый орел на Руси до печати Ивана III 1497 г. // Историк в России: между прошлым и будущим. Статьи и воспоминания. 90-летию со дня рождения А. А. Зимина посвящается. М., 2012. С. 277—294.
3. Время находки было уточнено Т. А. Пушкиной. См.: Пушкина Т. А. Первые Гнёздовские клады: история открытия и состав // Историческая археология. Традиции и перспективы. К 80-летию со дня рождения Д. А. Авдусина. М., 1998. С. 370—377.
4. Гушин А. С. Памятники художественного ремесла Древней Руси X—XIII вв. М.; Л., 1936. С. 56. Табл. IV. № 17.
5. Ениосова Н. В., Пушкина Т. А. Гнёздово как раннегородской центр эпохи формирования Древнерусского государства и некоторые вопросы его интерпретации // Древнейшие государства Восточной Европы. 2014. М., 2016. С. 275—277.
6. Новикова Е. Ю. Подвеска с птицей из Владимирских курганов. Опыт атрибуции // Труды ГИМ. Вып. 82: Средневековые древности Восточной Европы. М., 1993. С. 51—52; Ениосова Н. В., Зозуля С. С. Подвеска с изображением хищной птицы из Гнёздова // Образы времени. Из истории древнего искусства. К 80-летию С. В. Студзицкой // Труды ГИМ. Вып. 189. М., 2012. С. 138—140; Зозуля С. С., Сингх В. К. Новые находки подвесок с изображением хищной птицы // Нескончаемое лето. Сб-к статей в честь Е. А. Рыбиной. М.; В. Новгород, 2018. С. 79—82.
7. Новикова Е. Ю. Подвеска. С. 51—52.
8. Хотя о самой геральдике для этого времени не приходится даже и говорить.
9. Ениосова Н. В., Зозуля С. С. Подвеска. С. 141.
10. Кулаков В. И. Предшественники эмблемы Византии // Гербовед. № 5—6. М., 1994. С. 6. По мнению автора, именно эта традиция и была привнесена с Севера варягами в Византию.
11. Кулаков В. И. Птица-хищник и птица-жертва в символах и эмблемах IX—XI вв. // Советская археология. № 3. 1988. С. 114.
12. Там же. С. 106.
13. См.: Седова М. В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X—XV вв.). М., 1981. С. 78.
14. Вагнер Г. К. Белокаменная резьба древнего Суздаля. Рождественский собор XIII в. М., 1975. С. 134 (VI. Декоративная система «золотых» дверей Суздальского собора и вопрос об их датировке).
15. Там же. С. 106, 119. Рис. 91.
16. Там же. С. 106; Вагнер Г. К., Воробьёва Е. В. Архитектурный декор Руси X—XIII вв. // Древняя Русь. Быт и культура (Серия «Археология (с древнейших времен до Средневековья) в 20 томах») / отв. ред. тома Б. А. Колчин, Т. И. Макарова. М., 1997. С. 200.
17. Вагнер Г. К. Белокаменная резьба. С. 141.
18. Cod. Pal. germ. 848, Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse). 6r, 11v, 13r, 27r и др. [Электронный ресурс]. URL: <https://nbn-resolving.org/urn:nbn:de:hbz:5:1-63868-p0071-9> (дата обращения: 31.03.2019).
19. Овчинников А. Н. Суздальские золотые врата. М., 1978.
20. Майоров А. В. Русь, Византия и Западная Европа. Из истории внешнеполитических и культурных связей XII—XIII вв. СПб., 2011. С. 514—545.
21. Дискуссии о ее происхождении ведутся давно, и, в частности, высказывалась версия о том, что княгиня происходила из знатного византийского рода Каматерос (обзор версий см.: Войтович Л. В. Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 480—487). Во всяком случае, только какими-то тесными связями с Византией можно объяснить появление у сыновей Даниила Романовича таких нехарактерных для Рюриковичей имен, как Ираклий и Лев.
22. ПСРЛ. Т. 2. М., 1998. Стб. 845.
23. Артамонов Ю. А. Княжеская символика в архитектуре древнего Холма // Столичные и периферийные города Руси и России в Средние века и раннее Новое время (XI—XVIII вв.). Тезисы докладов научной конференции. М., 1996. С. 22—23.
24. Соловьёв А. В. Геральдические эмблемы Византии и славяне // Signum. Вып. 4. М., 2009. С. 154, при этом исследователь ошибся в датировке установки столпа.
25. См.: Richental Ulrich von. Concilium zu Constanz. Augsburg, 1483. Л. 97 об., 108 об., 109 об., 175 об.

26. Ibid. Л. 111 об.

27. Об этом свидетельствует наличие такого герба в гербовниках Бергсхаммарском (Codex Bergsbammar, ок. 1435 г.) и Гимнихском (Armorial Gumnich (Lyncenich), ок. 1445 г.), правда, в последнем этот герб обозначен как герб «Новгорода», возможно, Новогрудка или Новгорода-Северского, а также на печатях Витовта Великого. См.: Rimša E. Heraldry past to present. Vilnius, 2005. III. 114, 176, 178, 181.

28. Длугош Я. Грюнвальдская битва. М., 1962. С. 89.

29. Bergshammar vapenbok, Stockholm, Riksarkivet, SE/RA/720085/Z. P. 113. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 31.03.2019).

30. Armorial Lyncenich, Bruxelles, Bibliothèque royale Albert 1er, ms. II.6567. F. 243. [Электронный ресурс]. URL: >>> (дата обращения: 31.03.2019).

31. Соловьёв А. В. Геральдические эмблемы. С. 156, в том числе примеч. 177. Существенный лингвистический аргумент автора в том, что гласный герб Галича объясняется только на русском языке («галка», по-польски же «kawka»), однако, исходной формой здесь, вероятно, была «галиця» (ср. укр. фольк.), и объяснение названия из языка местного населения вполне могло повлиять на создание герба уже в польской традиции.

References:

1. Agoshton M. Velikoknyazheskaya pechat' 1497 g.: K istorii formirovaniya russkoj gosudarstvennoj simboliki. M., 2005.
2. Artamonov Yu. A. Knyazheskaya simbolika v arkhitekture drevnego Kholma // Stolichnye i periferijnye goroda Rusi i Rossii v Srednie veka i rannee Novoe vremya (XI—XVIII vv.). Tezisy dokladov nauchnoj konferentsii. M., 1996. S. 20—23.
3. Vagner G. K. Belokamennaya rez'ba drevnego Suzdalya. Rozhdestvenskij sobor XIII v. M., 1975.
4. Vagner G. K., Vorob'yova E. V. Arkhitekturnyj dekor Rusi X—XIII vekov // Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura (Seriya «Arkheologiya (s drevnejshikh vremen do Srednevekov'ya) v 20 tomakh») / otv. red. toma B. A. Kolchin i T. I. Makarova. M., 1997. S. 186—202.
5. Vilinbakhov G. V. Gosudarstvennyj gerb Rossii: 500 let. SPb., 1997.
6. Vojtovich L. V. Knyazha doba na Rusi: portreti eliti. Bila Tserkva, 2006.
7. Guschin A. S. Pamyatniki khudozhestvennogo remesla Drevnej Rusi X—XIII vv. M.; L., 1936.
8. Dlugosh Ya. Gryunval'dskaya bitva. M., 1962.
9. Eniosova N. V., Zozulya S. S. Podveska s izobrazheniem khischnoj ptitsy iz Gnyozdova // Obrazy vremeni. Iz istorii drevnego iskusstva. K 80-letiyu S. V. Studzitskoj (Trudy GIM. Vyp. 189). M., 2012. S. 138—148.
10. Eniosova N. V., Pushkina T. A. Gnyozdovo kak rannegorodskoj tsentr ehpokhi formirovaniya Drevnerusskogo gosudarstva i nekotorye voprosy ego interpretatsii // Drevnejshie gosudarstva Vostochnoj Evropy. 2014. M., 2016. S. 258—303.
11. Zozulya S. S., Singkkh V. K. Novye nakhodki podvesok s izobrazheniem khischnoj ptitsy // Neskonchaemoe leto. Sb-k statej v chest' E. A. Rybinov. M., V. Novgorod, 2018. S. 79—82.
12. Ipat'evskaya letopis' // Polnoe sobranie russkikh letopisej. T. 2. M., 1998.
13. Kulakov V. I. Predshestvenniki ehmblyemy Vizantii // Gerboved. № 5—6. M., 1994. S. 5—11.
14. Kulakov V. I. Ptitsa-khishchnik i ptitsa-zhertva v simbolakh i ehblemakh IX—XI vv. // Sovetskaya arkheologiya. № 3. 1988. S. 106—117.

15. Majorov A. V. Rus', Vizantiya i Zapadnaya Evropa. Iz istorii vneshnepoliticheskikh i kul'turnykh svyazey XII—XIII vv. SPb., 2011.
16. Novikova E. Yu. Podveska s ptitsej iz Vladimirskikh kurganov. Opyt atributsii // Srednevekove drevnosti Vostochnoj Evropy (Trudy GIM. Vyp. 82). M., 1993. S. 46—56.
17. Ovchinnikov A. N. Suzdal'skie zolotye vrata. M., 1978.
18. Pushkina T. A. Pervye Gnyozdovskie klady: istoriya otkrytiya i sostav // Istoricheskaya arkheologiya. Traditsii i perspektivy. K 80-letiyu so dnya rozhdeniya D. A. Avdusina. M., 1998. S. 370—377.
19. Pchelov E. V. Dvuglavyj orel na Rusi do pečati Ivana III 1497 g. // Istorik v Rossii: mezhduproshlym i buduschim. Stat'i i vospominaniya. 90-letiyu so dnya rozhdeniya A. A. Zimina posvyaschaetsya. M., 2012. S. 277—294.
20. Sedova M. V. Yuvelirnye izdeliya Drevnego Novgoroda (X—XV vv.). M., 1981.
21. Solov'yov A. V. Geral'dicheskie ehmblemy Vizantii i slavyane // Signum. Vyp. 4. M., 2009. S. 109—211.
22. Khoroshkevich A. L. Gerb // Gerb i flag Rossii. X—XX veka. M., 1997. S. 15—376.
23. Cod. Pal. germ. 848, Große Heidelberger Liederhandschrift (Codex Manesse). [Ehlektronnyj resurs]. URL: <https://digi.ub.uni-heidelberg.de/diglit/cpg848> (data obrascheniya: 31.03.2019).
24. Richental Ulrich von. Concilium zu Constanz. Augsburg, 1483.
25. Rimša E. Heraldry past to present. Vilnius, 2005.

Двуглавые орлы Древней Руси в контексте ее внешнеполитических связей

Пчелов Евгений Владимирович

Российский государственный гуманитарный университет

Российская Федерация, Москва

Аннотация

В статье рассмотрены изображения двуглавого орла в древнерусской культуре домонгольского времени. Всего выделено три таких случая, которые не представляют собой какой-либо единой изобразительной или символической традиции. Самое раннее изображение двуглавой хищной птицы имеется на серебряной подвеске из Гнёздова и датируется последней третью X в. Несмотря на то, что подобные вещи найдены и в других центрах, подвеска с двуглавой птицей уникальна. По-видимому, она относится к материальной культуре варягов и представляет, таким образом, след скандинавской, возможно, ритуальной традиции на Руси в эпоху викингов. Второе, более определенное изображение присутствует на южных Золотых воротах Рождественского собора в Суздале. Оно датируется рубежом 1230-х — 1240-х гг. или, возможно, более поздним временем. По своему типу оно близко к изображениям двуглавого орла в западноевропейской, прежде всего, немецкой геральдике. Имея, таким образом, европейское происхождение, эта эмблема вряд ли носила чисто геральдический характер в контексте данного памятника. Третий факт — упоминание о строительстве в 1259 г. у г. Холм князем Даниилом Романовичем столпа с каменным изображением орла. Показано, что отнесение этого орла к типу двуглавых основывается на весьма произвольном толковании текста источника и вряд ли может быть связано с вероятными византийскими династическими контактами Галицко-Волынских князей.

Ключевые слова: двуглавый орел, геральдика, Древняя Русь, внешняя политика

Дата публикации: 15.11.2019

Ссылка для цитирования:

Пчелов Е. В. Двуглавые орлы Древней Руси в контексте ее внешнеполитических связей // Электронный научно-образовательный журнал «История». – 2019. – Т. 10. – Выпуск 9 (83) [Электронный ресурс]. URL: <https://arxiv.gaugn.ru/s207987840007120-1-1/> (дата обращения: 02.12.2021). DOI: 10.18254/S207987840007120-1